Диверсант

Сергей СИДОРЕНКО (Украина) - 10 мая 2017

Body

После киевского майдана те, кто пришли к власти на Украине, стали повсеместно переименовывать улицы и населенные пункты, в названии которых содержалось что-либо связанное с коммунистической эпохой. И не только названные в честь коммунистических вождей, но даже те, в названии которых обнаруживалось, к примеру, слово «красный». Все это официально именовалось «декоммунизацией». Однако вместо того, чтобы исправлять содеянное коммунистами, вздумавшими в свое время перелицевать на свой лад доставшуюся им Россию, - новые правители пошли по тому же пути и старалась, где только возможно, заменять коммунистические названия не прежними, дореволюционными, а своими, в честь каких-либо своих деятелей, о которых народ мало что знал. Притом, что среди этих деятелей попадались даже такие, которые в годы Отечественной войны поддерживали фашистов.

В райцентре, где работал Николай, в одночасье переименовали несколько десятков улиц – и когда эти новые названия попадались ему на глаза, было ощущение, будто город, с которым была связана вся его прежняя жизнь, кто-то подменил. Казалось даже, что кто-то чужой и непрошенный, нагло залез грязными руками в его память, где было всякое, хорошее и плохое, - и, грубо там порывшись, выбросил из нее почти все содержимое, оставив ему для дальнейшей жизни лишь несколько несложных элементов, связанных с потребностями его организма.

Дошла очередь и до областного центра. Его тоже надумали переименовывать, и при этом ни за что не желали возвращать дореволюционное название, считая его «пророссийским», а силились придумать нечто новое – и то, что у них придумывалось, вызывало отторжение даже у тех, кто готовы были уже смиряться со всеми другими нововведениями последнего времени.

Народ в областном центре пытался сопротивляться. Сначала подавляющим большинством голосов проголосовал на городском опросе за прежнее, дореволюционное название - раз уже нельзя было оставить как есть. Затем, когда власть это голосование проигнорировала, пару раз выходил на протестные демонстрации, довольно внушительные по местным масштабам. Но это все равно не помогло. В конце лета Верховная Рада своим решением город таки переименовала.

Николаю все как-то не верилось, что такое возможно. И когда видел по телевизору жителей областного центра, идущих по городу по своим делам – и вглядывался в их лица, – то ничего особенного не замечал. Будто ничего и не произошло…
В областном центре, куда он в прежние времена охотно по всякому поводу ездил, с тех пор он не был ни разу. И не только потому, что не случалось в том необходимости… Но как-то не хотелось… И даже как-то боялся туда ехать…
Николай вместе с женой жили в деревне, в нескольких километрах от районного центра. Квартиру в райцентре, в пятиэтажном доме, где прошло его детство, они с женой уступили дочке, которая два года назад вышла замуж и родила уже им внучку. На работу он ездил автобусом. Ездил один: у жены был другой график работы, и она добиралась, в основном, другим рейсом.
После переименования областного центра народ в автобусе поначалу возмущался. Некоторым новое название казалось смешным – те смеялись. Но скоро переключились на другие насущные вопросы: начался сбор урожая, все занялись огородами и про переименование как-то все быстро забыли. А после, с наступлением холодов, народ уже, в основном, обсуждал новые тарифы на газ и на электричество, которыми его облагодетельствовала новая власть. Что же касается новых названий, то когда заходила речь об областном центре или о переименованных улицах райцентра - народ их продолжал называть по-старому.
Но не так было у Николая на работе. Он работал завхозом в одном из районных учреждений – и там новые названия то и дело мелькали в слышанных им краем уха телефонных разговорах должностных лиц и в попадавшихся ему на глаза документах.
А однажды, зайдя на квартиру дочери, застал там сестру дочериного мужа, Таньку, шуструю школьницу, которая часто к ним забегала после уроков: Танька, расхаживая по комнате, зубрила вслух какой-то английский текст, в котором раз за разом попадалось новое название областного центра… И как ни в чем ни бывало, по-попугайски, повторяла это название…

В начале весны Николая отпустили в отпуск.
Дома в эту пору работы у него было не особенно много, однако сроки, когда он мог пойти в отпуск, зависели не от него, а от воли начальства. И спорить с этим не приходилось. Работой он дорожил. Работу по нынешним временам найти было трудно. И даже работая вдвоем с женой, они с трудом сводили концы с концами. А нужно было еще дочери помогать. И внучка часто болела…
На огороде пока делать было нечего. К тому же погода установилась ненастная: несколько дней подряд шел дождь со снегом, дул мерзкий ветер… Пришлось сидеть в доме, занимаясь всяким мелким ремонтом. Несколько раз, по привычке, включал телевизор – но сразу же и выключал: то, что там показывали – вызывало в нем отвращение. Жаль было тратить на это время. Кончилось тем, что он нашел в недрах старого книжного шкафа читанную еще в детстве книжку о партизанах, действовавших в годы Отечественной войны на украинском Полесье, и несколько дней подряд с упоением читал эту книгу.
В книге, в числе прочего, повествовалось о подвигах легендарного советского разведчика Николая Кузнецова. Читая книгу, Николай вспомнил, что на Западной Украине, где действовал Кузнецов, есть город, названный в его честь. И подумал: наверное, тоже уже переименовали…
Затем несколько дней подряд он ездил к дочери, где тоже занимался всякого рода ремонтом и присматривал за внучкой, пока дочка бегала по всяким своим делам. У дочери был интернет, и Николаю захотелось узнать о городе, названном в честь Кузнецова. Оказалось, он не ошибся: город уже переименовали. Был Кузнецовск, а стал какой-то Вараш. Хотя основали город только в 70-х годах, как город атомщиков, рядом со строящейся атомной станцией.
В один из дней он возвращался от дочери и, сидя в автобусе, слушал вполуха доносящиеся со всех сторон разговоры. Едущий в автобусе народ уже всецело был поглощен предстоящими «битвами» на огородах: обсуждали цены на рассаду, на

семенной картофель… Николай достал купленную на остановке местную рекламную газету, и стал просматривать, и первое, что бросилось ему в глаза – было то, что везде в рекламе название областного центра было уже указано новое.
Тогда-то в нем и созрел отчаянный план…

Он дождался дня, когда на почте в его селе соберется побольше народа, – а собрать его могло лишь получение пенсии, – и пошел на почту.
Сельская почта находилась в большом двухэтажном здании, в котором в советское время размещались контора колхоза и множество колхозных учреждений, с несколькими входами со всех сторон здания. Теперь из всего этого былого великолепия жилой осталась лишь небольшая комнатка, в которой ютилась почта. Остальные двери, кроме ведущих на почту, были наглухо забиты; мертвые окна на нижних этажах были заложены кирпичом или закрыты изнутри деревянными щитами, на верхних же этажах – зияли пустотой или, где еще оставались стекла, зловеще блестели, отражая суровое небо.
Издали было видно, что народ уже собрался, ожидая прибытия почтовой машины из райцентра, которая вместе с корреспонденцией должна была доставить пенсию. Так как почта вмещала не слишком много народу, то некоторые ожидавшие, чтобы не толпиться, стояли на улице. Были, в основном, женщины. Правда, чуть в стороне курили два деда, о чем-то своем разговаривая. Николаю было особенно жалко, что эти два деда стоят тут, а не внутри помещения.
Он даже к ним подошел, хотя и был с ними мало знаком: за два года жизни в этом селе он мало с кем, кроме ближайших соседей, успел близко познакомиться, и своих односельчан знал, в основном, лишь в лицо.
- Здрастуйтэ, а шо цэ вы очерэдь нэ занимаетэ?
- Здоров… Вспием… - ответил за двоих один из дедов.
Перекинувшись с ними еще парой ничего не значащих слов, Николай зашел в здание почты.
Он поздоровался с порога с сидящей за прилавком хозяйкой почтового заведения – молодой, но очень деловой и серьезной Любой, работавшей тут сравнительно недавно. Затем сказал «Здрастуйтэ!» выстроившимся в нестройную очередь в ожидании пенсии женщинам, возраст которых свидетельствовал о том, что им в свое время довелось еще быть правоверными пионерками и комсомолками, и застать расцвет колхозный эпохи – что, в данном случае, для него было важно… Подошел к прилавку, купил конверт и, отойдя в сторону к столику, достал из кармана ручку и стал конверт заполнять.
Правда, через минуту возвратился к прилавку и спросил у Любы:
- А можна узнаты индэкс: Ровэнська область, мисто Вараш… Цэ бувшый Кузнецовск – нэдавно пэрэимэнувалы…
- Ривнэнська – поправила его Люба, - ато половына так и пышуть: Ровэнська… Зараз гляну…
- Люба деловито стала листать толстый фолиант и, минуту спустя, озадачила его ответным вопросом:
- А вам якый имэнно? Там нэ однэ поштовэ виддилэння…
Он этого не ожидал, и даже слегка растерялся.
Но Люба тут же сама и помогла ему выйти из затруднения:
- Якщо нэ знаетэ, то можна на цэнтральну пошту видправляты – а воны вжэ там сами розбэруться… Запысуйтэ… - и стала диктовать ему индекс центральной почты бывшего Кузнецовска.
Николай поблагодарил и, отойдя к столику, стал заполнять конверт дальше. Еще через минуту, с места, опять спросил Любу:
- А якщо я хочу, щоб ответ мэни на городську пошту прыслалы – мэни там коло роботы удобнишэ, - то як пысаты?.. «До востребования»?
- «До запытання».
Он оформил наконец конверт, адресованный некой фирме под названием «Зелений світ», находящейся в городе, превратившемся из Кузнецовска в Вараш, вложил в него заготовленную дома заявку на сложенном пополам листике – с просьбой прислать ему

десять упаковок семян капусты сорта «Переможний», заклеил конверт и понес его к прилавку.
- Подывиться … Правыльно?.. – попросил он Любу.
Люба деловито просмотрела адрес, утвердительно кивнула и хотела уже отложить конверт в сторону – на кучку других конвертов и пакетов рядом с собой, но вдруг остановилась и удивленно переспросила:
- …Гитлера, 41?.. А шо – е така вулыця - Гитлера?
- Наверно… - безразличным тоном ответил Николай – так, будто ему до этого названия нет никакого дела, и лениво добавил, - Зараз жэ всэ пэрэимэновують – наверно и там пэрэимэнувалы… Цэ ж Западна Украйина… Я з газэты адрес пэрэпысав… Там фирма – семенамы торгуе…
Он спиной почувствовал, что очередь за ним как-то ожила.
- Як-як?! – недоверчиво переспросила стоявшая к нему ближе других Антонина Петровна, бойкая старушка, которую все за глаза называли «Тонькой», - Гитлера?!. Оцэ вжэ дожылысь!!!
- Та не… Нэ можэ такого буты, - авторитетно ей возразила массивная Галина Ивановна, по габаритам раза в два превышающая «Тоньку». – Цэ наверно якыйсь однохвамилэць… Можэ якыйсь композитор… чи чорт його маму знае… Зараз вжэ нэ поймэш…
- Там жэ, в Ровно, в войну, у нимцив йихня столыця була – можэ того й пэрэименувалы, - с притворно безразличным видом помог ей разобраться Николай.
- Шо рОбыться ?!. – послышался откуда-то из середины очереди протяжный вздох еще какой-то старушки…
Все сразу переключились на новую тему, заговорив наперебой:
- А у нас!.. И шо воно йим, чортам, мишало?.. Не! – давай срочно миняты!!!
Николай собрался уже уходить, но вдруг к нему подошел средних лет круглолицый мужчина, с которым Николай не был знаком, и о котором знал лишь, что живет он в другом конце села. Он все это время сидел за тем же столиком, за которым Николай заполнял свой конверт, и тоже заполнял много каких-то бланков, старательно переписывая в них что-то из какой-то своей бумажки.
- А яки вы семена заказувалы, якшо нэ сикрет? – спросил он заинтересованно.
- Та всяки, в основному, капусту…
- И почому?
Николай на ходу придумал цифру побольше и сообщил интересующемуся, надеясь большой ценой отпугнуть его от дальнейших вопросов.
- Ого! А чо цэ так дорого? – не унимался тот.
- Там у ных дэкоратывни, в основному, сорта - нашелся с ответом Николай, и по взгляду спрашивающего с облегчением уловил, что тот утратил наконец интерес к его заказу… И, во избежание других вопросов, поспешно покинул почту…

Мисто (укр.) – город.
Зараз (укр.) – сейчас.
Якый (укр.) – какой.
Якщо (укр.) – если.
Подывиться (укр.) – посмотрите.
Якыйсь (укр.) – какой-то.
Робыться (укр.) – делается.
Чо (укр.), сокращенное от «чого» - почему.

Сергей СИДОРЕНКО (Украина) - 10 мая 2017